

Дали искусства

В МАЕ 1827 года, посылая княгине Зинаиде Волконской свою поэму «Цыганы», Пушкин сопровождал ее восторженным и искренним стихотворным посвящением:

Среди рассеянной Москвы,
При толках виста и бостона,
При бальном лепете молвы
Ты любишь игры Аполлона.
Царица муз и красоты,
Рукою нежной удержишь ты
Волшебный скипетр
вдохновения,
И над задумчивым челом,
Двойным увенчанным венком,
И вьется и пылает гений.

сцене. Русский двор давно вернулся на родину, а она никак не может оторваться от театрального и музыкального Парижа. Однако у этой молоденькой 23-летней женщины сильный характер. Она нелегко подчиняется даже настояниям царя. Она вернулась в Россию лишь в 1817 году.

Волконская решает заняться литературой. В 1819 году в Москве появляются написанные ею по-французски «Четыре новеллы». Но выход

кину в Петербург, — московский воздух как будто полегче». Дом Волконской в Москве, ее салон, стал оазисом художественной культуры.

Талант соединить, связать людей, воодушевить их на собственное творческое движение — возможно, из всех талантов редчайший. Пушкин, Жуковский, Баратынский, Хомяков, Веневитинов, Вяземский, Козлов, Одоевский, Языков, Дельвиг, Кюхельбекер, Киреевский любили бывать у «Северной

Коринны», как звали Волконскую современники. «Все в этом доме, — признавал Вяземский, — носило отпечаток служения искусству и мысли». Дом Волконской был скорее дворцом и академией искусств, чем салоном в том смысле, в каком мы привыкли это понимать. Во всяком случае «салонности» там не было. Впоследствии, когда Волконская навсегда покинет родину, Вяземский с тоской будет вспоминать об «особом музыкальном мире». «Дом ее был, как волшебный замок музыкальной феи: ногою ступишь на порог, раздаются созвучия; до чего ни дотронешься, тысяча слов гармонических откликается.

Гравюра И. Мейера с портрета З. А. Волконской работы Карла Брюллова.

ЗИНАИДА ВОЛКОНСКАЯ

книги не удовлетворяет Волконскую: ведь она пытается найти замену артистическому призванию. Это и гонит ее в Рим, где она становится центром художественного кружка. Молодые русские художники Федор Бруни, Карл Брюллов, Сильвестр Шедрин встречаются здесь с Кановой и Торвальдсеном.

Волконская в это время сочиняет оперу «Иоанна»; она и либреттист, и композитор, и исполнительница главной роли Жанны д'Арк, и постановщик оперы на сцене своего домашнего театра. В костюме Жанны Волконская изображена Федором Александровичем Бруни. Спустя несколько лет Волконская пошлет литографированную копию этого портрета Пушкину.

Вернувшись в Петербург, княгиня, вызывая насмешки и злословие светских знакомых, погружается в изучение истории древней России, Скандинавии, археологии, народных русских песен и обрядов. Плодом двухлетнего труда явилась повесть «Славянская картина», изданная анонимно в Париже в 1824 году. Героиней повести была славянка Милиада, мать основателя Киева — Кия.

Желая укрыться от чопорности светской петербургской жизни, Волконская переехала жить в Москву. После возвращения Пушкина из ссылки «княгиня Зенеида», как звали ее друзья, будет уговаривать поэта жить в Москве. «Возвращайтесь, — напишет она Пуш-

чающийся полицейский туман все плотнее затягивает Россию. Мысль и боль Зинаиды Волконской — не о своем личном преуспевании, которое именно в эту пору достаточно прочно. Она избрана почетным членом Общества истории и древностей российских при Московском университете — первая женщина, удостоившаяся этой чести. Диплом ей вручил известный историк И. М. Снегирев. Общество любителей российской словесности также ввело Волконскую в состав своих членов. В альманахе Дельвига «Северные цветы» печатаются ее «Письма из Италии».

В апреле 1827 года Волконская предлагает основать общество и журнала — регулярно знакомить иностранных ученых и весь европейский просвещенный мир «с древностями и достопамятностями России». Волконская сожалеет, что замечательные памятники русской старины совсем неизвестны в Европе, и предлагает план издания «Описаний казенных, монастырских и частных библиотек, развалин, укреплений, гробниц, каменных памятников, курганов, монет, медалей». Мечта Волконской отчасти была осуществлена в начале нашего века Игорем Грабарем и

виста и бостона» превратились в «ЦАРСТВО виста и зимы», и «управу двойную» этого царства уже не одолеть. Можно лишь бежать из этого «тяжкого сна». Баратынский отвечает Пушкину на критику «рассеянной Москвы» словами о холоде, сжимающем «и атмосферу и умы».

В Италии римская вила Волконской на долгие годы стала приютом для русских путешественников, и, конечно, в первую очередь для художников, артистов, писателей. Гоголь познакомился там с Александром Ивановым и любил проводить в саду Волконской дни, что и запечатлел в своем рисунке Жуковский, который также неизменно навещал «княгиню Зенеиду».

Неугомонная Волконская и в Италии пытается остаться полезной для России. Она составляет проект основания Эстетического музея при Московском университете, предлагая его выстроить по образцу музея в Неаполе. Он должен представлять собой «собрание гипсовых слепков и мраморных копий с замечательных произведений скульптуры, копий с лучших картин классической живописи, снимков древних и средневековых памятников архитектуры». Волконская брала на себя «надзор за приготовлением слепков и моделей при общем руководстве известных европейских художников Торвальдсена, Каммучини» — давних своих приятелей. В 1831 году «Проект Эстетического музея при Императорском Московском университете» был напечатан в журнале «Телескоп». Однако университет не принял проекта, и осуществить его удалось уже только в нашем веке профессору Ивану Владимировичу Цветаеву — это ныне существующий Музей изобразительных искусств имени А. С. Пушкина.

Нельзя унести с собой родину. Но для Волконской память о друзьях была священной. Дружба для нее была таким же культом, как и искусство. В саду виллы, которую прорезал древний акведук, Волконская своими руками посадила деревья Аллеи воспоминаний, или Аллеи друзей, где она, по словам С. Шевырева, «воздвигла памятники всему утраченному милому». Под кипарисами и лаврами сада стояли античные обломки, и каждый был посвящен другу или близкому человеку — тому, кого она не хотела и не могла забыть. Пушкин, Гёте, которого она навещала в Веймаре, Баратынский, любимый отец, Веневитинов, умершие сестры, Жуковский, дед и бабка, скрасившие ее детство, Байрон, Вальтер Скотт... Впоследствии, уже много лет спустя после смерти Волконской, Ф. Буслаев посетит эту виллу и тщательно переписывает все эти посвящения: так они дойдут до нас. Волконская сама придумывала надписи — некоторые были в стихах. Память своего сердца Волконская хотела оставить жить в Риме, где она скончалась семидесяти лет.

Светлана КАИДАШ

его единомышленниками, которые заставили Европу увлечься древним русским искусством.

Но Зинаиде Волконской ответа на ее предложение не последовало. Ни она сама, ни ее заботы о знании европейского искусства в России и русского искусства в Европе были не нужны.

В 1829 году Зинаида Волконская вместе с сыном навсегда уезжает из России в Италию. Биограф ее справедливо пишет: «Едва ли можно предположить, чтобы З. А. добровольно и без настоятельной необходимости пожелала оставить Москву».

Волконскую провожали со слезами. Много стихов было сочинено на ее отъезд, но лучшие и самые горькие написаны Баратынским:

Из царства виста и зимы,
Где, под управой их двойной,
И атмосферу и умы
Сжимает холод одинакой,
Где жизнь какой-то тяжкий сон,
Она спешит на юг
прекрасный,
Под Авзонийский небосклон...

У Баратынского не просто переключка с посланием Пушкина московской «царице муз» — это трагическое развитие одной темы, ответ ему. У Пушкина «толки виста и бостона» «царица муз и красоты» побеждала «играми Аполлона», «скипетром вдохновения», «двойным венком» — литературы и искусства. Но «ТОЛКИ